

Ирина Бабурова

БЕГ ВРЕМЕНИ

Москва 2010

ЛУГАНОВО - ДЕТСТВО МОЕ

В то жаркое лето 1981 года, когда казалось, что мир так устойчив и надежен, тверская электричка увозила меня в детство.

Есть такое место в Тверских краях - Луганово. Едешь, едешь до станции Кулицкая, а там - длинная дорога по столбам, затем потянутся деревни, перелесок - когда-то лес, мосток старинной кладки через ручеек, опять когда-то - реку, две последних деревни и, наконец, Луганово - зеленый островок среди однообразных дорог и полей, мамина родина.

Оно так долго и неотступно стояло в моих снах, так горько снилось, что я не выдержала, поехала и купила маленький деревенский домик недалеко от того места, что звалось когда-то Лугановым.

И теперь меня в этом времени больше нет, а есть длинный и серый деревянный Лугановский дом и бабушка Таня в парусиновых туфлях на босу ногу, бежит мне навстречу. Лето. Всё в цвету. Дедушка Миша сидит перед домом на камне, курит трубку, покашливает, сутулится.

Луганово! В детстве это целое царство-государство. Довоенное царство, когда всё твоё крошечное существо улавливает только гармонию, а откуда Луганово, почему Луганово, что такое Луганово - даже

вопрос не возникает, настолько это естественно, само собой разумеющееся, как рука и нога, и странно, что у тебя их не будет. Значит в самом изначальном это ощущение прежде всего гармонии - больших окон, солнца, зелени и пчел!

У деда прямо под окнами - усатые домики, улы. Иду к ним, потом на всю жизнь - аллергия. И кажется, что Луганово, состоящее из бабушки, дедушки, мамы и папы, будет сиять тебе вечно, и ты даже представить себе не сможешь, что любовь, отпущенная тебе в этом мире, кончится, и что с этого поворота придется тебе жить без неё. А ты еще ведешь себя как любимый, ты мило капризничаешь, дуешь губки, а тебе поддают и говорят: «На место, птенчик». Как учат молодняк, и ты сначала ещё не привыкнешь никак, что там твоё место. Со временем ты знаешь это будешь четко, но это со временем.

А детство будет продолжаться и будет дом окнами в парк, и длинный коридор, и лестница на чердак, и будет так, что в темноте, летя наверх, почувствую прикосновение чьей-то руки, кто-то неслышно и тяжело положит мне руку на руку.

Спустя много лет я действительно узнаю, что существовала легенда о «руке», но легенда ли?

А в тот момент подумаю, что это брат, хотя он уже давно ждет меня на чердаке возле окон. Ему не до меня. Он смотрит на весенний разлив и я присоединяюсь к нему. Сверху из полутемных окон - деревья в воде, и мы, как на корабле, отрезаны от всего мира, и чердак, полный таинственных вещей, которым нет названья.

А на чердак - попытайся один! Здесь тишина всеобъемлющей пыли, Сумрак, осевший среди паутинок, Там, где когда-то его позабыли. Помню и лес, и заросший овраг - Было куда изумлению деться. Всё незабвенно, но ты, чердак, Самый любимый свидетель детства.

(М. Петровых)

А взрослым не до нас, и спрашивать не у кого, их лица закрыты. Война уже была объявлена. И с ней ушел детский радужный мир и ощущение гармонии в нём. В пять лет я почувствовала себя взрослой.

Лугановский дом будет жить тревогой и беженцами, а мы в нём - осторожные зверьки. Снуем, растем, пьем чай со свеклой и боимся задавать вопросы. А их много, особенно - кто мы такие, нас об этом спрашивают, кто бабушка и дедушка, и что у нашей кошки скоро будут котятки, это особенно просили передать маме.

Но вопросы повисают в воздухе, у мамы сухие, жёсткие глаза, а бабушка просто ничего не слышит. Лизочек, младшая, на фронте, и дедушка лежит не вставая - у него водянка. И тетя Наташа, старшая, как тень, вся в себе, с большим животом и вот-вот появится брат Виктор (Федорков).

К деду приходят и уходят мужики соседних деревень, дверь не закрывается; МЫ СЛЫШИМ, ЧТО создаются парти- Варвара Александровна занские отряды, немцы в Калинин, а Дьякова (ур. Бакунина) мы - рядом. (1812-1866)

Ночью немецкие самолеты заглядывают в окна, нас одевают, зашнуровывают и кулками ставят на выжонную дорогу не зная, что делать и куда спрятать эти беспомощные меховые комочки... А мы, точно выброшенные котятки, в страхе цепляемся за свои жизненные силы, которые, несмотря на войну, все равно при-бывают.

Войны уже нет, и отца больше нет. И я потом буду долго всматриваться в лица, ища знакомый смуглый, бесконечно юный облик его, и он навсегда свяжется у меня с довоенной Москвой, старой квартирой на Конюшковской, где началось и так быстро кончилось самое счастливое, что было у меня в этой жизни - детство. И начнется другая жизнь, другая Москва, школа... И как-то на уроке истории, неожиданно для себя я услышу собственный голос, возразивший учителю. Он упомянул Михаила Александровича Бакунина, а я, к своему ужасу, поправила. Он спросил: «Откуда вы это знаете?» - «От бабушки!» - Хохот в классе.

Вот тогда-то я найду объяснения старым фотографиям, книгам, старинным разрозненным вещам. Бабушка, Татьяна Александровна Апостолова, урожденная Дьякова, родная внучка Варвары Александровны Бакуниной, которая в 40-х годах 19 века построит дом среди лугов. Он повторит Бакунинский, в Прямухине под Торжком. Она не любила имение своего мужа, Николая Николаевича Дьякова -Ивановское-Овцыно, оно её раздражало.

И вот вырос дом и стал засаживаться парк, а само имение получило название Луганово. Парк разрастется при её сыне, моём прадеде, ботанике и орнитологе Александре Николаевиче Дьякове. Им будут посажены редкие деревья и кустарники. А сам он изучал и писал о птицах Тверского края.

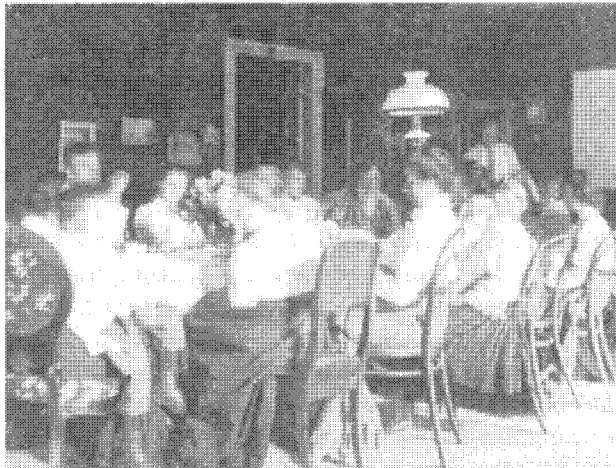

Варвара Александровна
Дьякова (ур. Бакунина)
(1812-1866)

На старых Лугановских фотографиях - большая гостиная, стол, за ним человек тридцать. Огромная, возле окон, до самого потолка клетка-вольер, в ней - кадки с деревьями и птицы. За столом в основном молодежь, друзья старшего сына - Михаила, бабушкиного брата, он - дерптский студент, революционер.

Помню я живо ту залу обширную, Где собирались мы все за столом, Речь молодую и смелую, сильную, Что раздавалась так шумно кругом.

(Е.Л. Мешкова)

Семейная идиллия в Луганове

Луганово предреволюционных лет - опасное место, зовется «осиным гнездом». Но прадед на это смотрит сквозь пальцы, он занят птицами и книгами. И я до сих пор храню пожелтевшие листы Тверского альманаха, с его статьями о жизни птиц. Иногда за обедом он будет спрашивать у прабабушки: «Лизанька, ты не знаешь, кто это там, справа, сидит?» - «Не знаю, Сашенька, думаю, что Мишины друзья».

Крестьяне поговаривали: «Нешто это господа приезжали, разве господа? Сами штаны себе штопали, а как за стол - так им корову на стол. Да еще за границу за свой счет отправляй! У нашего барина скоро этак ничего не останется». В этом они не ошиблись.

Прадед умер в 1915 году; говорят, когда он умирал, была буря, и все деревья поклонились в сторону дома - попрощались.

Часто Вы лешим себя называли: Лешим - не знаю, но что-то в Вас есть.

(Е.Л. Мошкова)

После революции Луганово хотели сохранить, сделать музей, дом отдыха, но не сделали, и в нем пребывала то ветеринарная лечебница, то торфяная контора, через которую мой отец и познакомился с мамой.

В доме, в одной из его комнат, постоянно жили дедушка, бабушка и трое их дочерей. Дед работал в колхозе счетоводом, но главное, за что его ценили - руки. И у нас в доме до сих пор хранятся дедушкины шкатулки чёрного дерева, выструганные его рукой, где лежали незатейливые бабушкины бусы.

Дед вечно что-то паял, лудил, точил, чинил, и к нему без конца шли с самоварами, швейными машинками, жнейками, молотилками - дверь не запиралась. Помню, как ещё в довоенном времени к нему приходили мужики в рубахах на выпуск, плисовых шароварах, сапогах. Садись на крылечке и вели беседы, философствовали.

И в моем, уже военном детстве, я (1882-1943)

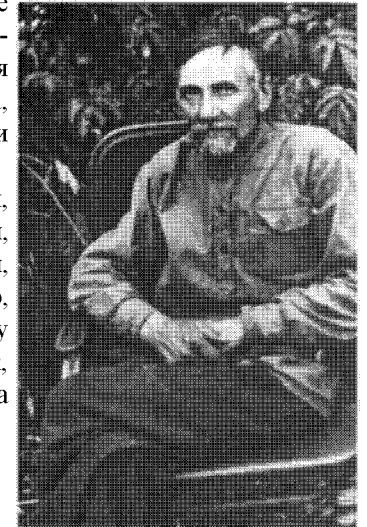
помню простуженную, захламлённую комнату, высокого взлохмаченного, сутулого деда, глазницы его огромных больных глаз. Он умер в 1943 году.

Отчётливо вижу, точно вчера это было, день его похорон. Июнь, всё в цвету... И дед весь в цветах. Гроб несут на руках, через узкую дорожку во ржи, берегом Кавы, через мост, под которым бурлит речка

Моржавка. Несут в село Ивановское... Там церковь и кладбище. Идти 3 километра... Народу много, деда любили, уважали... А мы с братом горько ощущаем свою заброшенность и обездоленность.

Когда в 1977 году приехали в Луганово и поставили палатки на месте дома, к нам шли люди. Шли, сидели рядышком, покуривали и рассказывали про деда - «Михайло Ляксеич Апостолов, хошь и барин был, а всем барам - барин... Не то, что нынешние господа - к ним не подойти - слушать тебя не станут, собой заняты. А Михайло Ляксеич не только выслушает - руками, делом тебе поможет».

Бабушка, Татьяна Александровна Апостолова, проживет долгую жизнь, она последняя уедет из Луганова, и тогда дом рухнет, вернее, его растащат. А в том давнем, бабушка будет бороться за своих дочерей, за их образование, за то, чтобы не выбросили с рабфаков как детей дворянского происхождения. Лугановское революционное прошлое сыграет свою

Михаил Алексеевич Апостолов (1882-1943)

положительную роль, да изредка появляющиеся в тверских газетах заметки, призывающие сохранить Луганово и его парк.

О бабушке всегда ходило много забавных историй. Передавалось это всегда в лицах, когда она изредка приезжала из Луганова в Москву, в своём вытертом салопчике, восторженная, седенькая и легкая, как девушка, родственники подсмеивались над ней, над тем, как она восторгалась соловьями и лягушками, лягушками и соловьями, кричащими и поющими ранней весной в Луганове.

Её часто упрекали родственники, что она не смогла сохранить прекрасную библиотеку своего отца А.Н. Дьякова. Они жили все в городах, учились, включались в другие мироощущения и, очевидно, никто не задумывался, а что же происходило тогда в Луганове? А там - шёл голод, крестьяне подкармливали свою бывшую барыню, приносили хлеб, простую еду и бабушка была благодарна. Но жизнь шла своим чередом. В сельской школе учились крестьянские дети, и им нужна была бумага для тетрадей. Тогда книги изымались из лугановских шкафов и просто использовались для учебных нужд. Защитить их было невозможно. И в дальнейшем практика эта продолжалась.

Но всё это было давно. А теперь ни бабушки, ни родственников уже нет и я снимаю с неё это клеймо обвинения.

На этом кончаю о Луганове, хотя оно не кончилось, а неожиданно появится на страницах «Калининской правды» 80-х годов под странным лаконичным названием «Необыкновенный помещик» или «Родом из Луганова». Напишет её бесхитростным языком энтузиаст Тверского края, человек военный и решительный Иван Васильевич Зорин. Статьи никто не читал. Всем, видно, надоела революция, но он не успокоится, поднимет массу материала в архивах, создаст музей в соседнем селе Первитино. И я, конечно, буду ему помогать и подбадривать...

А закончить хочется стихами Бориса Сергеевича Мошкова, чьё детство и юность также прошли в Луганово.

Предела нет моим мечтаньям.
Всё о тебе, мой край родной,
Твоим легендам и преданьям
Я отдаю часы порой,
И видел в сумраке столетий
Твои прошедшие года.
Я часто очень сожалею,
Что не пришлось мне жить тогда.

И вот уже в 2009, в Луганово, окружённая разгуливающей молодёжью с песнями, плясками и охлаждающими напитками в честь празднования

юбилея Калининского района, я громко в рупор скажу: - Расскажу я вам, дорогие мои, сказку. Когда-то, давным-давно, родился здесь прекрасный парк и мирно жили в нём кедры и пихты, сибирские лиственницы и ели, благоухала гималайская сирень, бил ключ, а на альпийской долинке розовели рододендроны двухметровой высоты. Родителем же этого чуда был мой прадед, учёный-ботаник Александр Николаевич Дьяков. Но менялся мир, сменялись поколения и лугановский парк стал называться рошей. И как всё стареет на свете, старел и он. Однако помните - старик, бывший парк, ещё жив. Он слышит нас. Он просит о помощи.

И помощь незамедлительно явилась... в лице преуспевающего предпринимателя, очень гордого в своей значимости. Он сказал, что возьмёт парк в аренду на 99 лет для своих деток и внуков. Не плачьте, Ирина Александровна, как говорят французы - «с est la vie».

1982, 2009 гг.

*Посвящается первой волне
русской эмиграции*

ЗАМЕЛО ТЕБЯ СНЕГОМ, РОССИЯ

Ну да, возвращается ветер на круги своя.
Только вечер, вот вечер сегодня другой.

Игорь Чинное

Действительно, вечер и ветер сегодня другие. И всё-таки, всё-таки длится дорога. И всё возвращается на круги своя. Не было у нас русской зарубежной поэзии. И вот она явилась и мы вздрогнули, поражаясь её многоцветности. И такому родному, навсегда потерянному для нас языку в нашем исчезнувшем теперь семидесятилетии. Но прежде, чем окунуться в этот чистый сияющий язык, отдадим дань памяти мало известной поэтессе Ксении Некрасовой, чьи стихи по сути были тоже эмигрантскими, хотя жила она здесь, в Подмосковье, но как бы в эмиграции. Её не печатали, не замечали и она ушла из жизни молодой, яркой, непризнанной.

Мне в дар Отчизна принесла
Жемчужницы в подоле - Дыханье
мира и свободы Обширно
хлынуло в стихи. Как жемчуг,
русские слова Лежат в сиянье
оболочек. Они несут в строенье
строчек Народов новые черты.

И как бы в предвидении своего ухода она напишет:

Будет холм надо мной,
Как над всеми,
Хорошо бы,
На краю села...
Крестик небольшой
В ногах поставить
В честь того, что русской была.

Николай Оцуп уже из Парижа напишет:

Как часто я
Прикидывал в уме
Какая доля - хуже.
Жить у себя, Но как в
тюрьме, Иль на
свободе, Но в какой-то
луче.

А теперь откроем дверь, ведущую в мир русской зарубежной поэзии.

(Исполняется романс Раисы Блох «Принесла случайная молва»)

Быть не в изгнании, а в послании - таково их истинное предназначение.
Первая эмиграция ясно и остро сознавала свое предназначение
- сохранить русскую культуру в непрерывности её традиций.

И за то, что нас Родина выгнала... Мы
по свету её разнесли.

(Алексей Ачаур)

И нельзя позабыть на полмига Как
провал между нами велик. Нам они -
устарелая книга, Мы для них -
непонятный язык.

(Нина Бродская)

Здесь намечено все и размерено, Все по
правилу, по струне, Только сердце мое
потеряно В этой вылощенной стране.

(Владимир Диксон)

Да, была эта литература оторвана от родной земли, но зато безгранична
её творческая свобода и воля. Вся поэзия русского зарубежья
- это лирический треугольник: вершина - Россия, основание - чужбина и
надмирность.

Возраст эмигрантской поэзии - три четверти века, но реальный опыт -
более чем столетний. Её многообразие - географическое: Германия,
Франция, Чехия, Югославия, Прибалтика, Финляндия, Харбин, Шанхай,
Пекин. После второй мировой войны - США, Канада, Англия, Бельгия,
Южная Америка и даже Африка. Первый эшелон русской эмиграции
прибыл в Германию после Брестского мира.

«В Берлине русскую речь можно было услышать чаще, чем немецкую...
Возникло около сорока издательств и был такой год, когда в Германии книг
на русском языке вышло больше, чем на немецком». Так писал Роман Гуль
в своих воспоминаниях. В Берлине жили Бело-цветов, Блох, Бродская,
Горлин, Корвин-Пиотровский. Поэтической школы они не создали, но в 30-
е годы выпустили свои коллективные сборники: «Новоселье», «Роцца»,
«Невод» и литературные журналы «Беседа», «Сполохи», «Жар-птица».

Германия признала Советскую Россию, поэтому в те годы, когда занавес
был жестяным, а не железным, в Берлин из России приезжало много
писателей. Германская столица явилась местом встречи двух литературных
потоков: несформировавшейся еще советской литературы и
неустановившейся еще эмигрантской.

К 1924 году центром русского зарубежья становится Париж. Перечень
поэтов, поселившихся там, впечатляет: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Е.
Бакунина, Г. Иванов, В. Ходасевич, Н. Оцуп, Г. Адамович, Ю. Терапиано,
Н. Туроверов. Поэзия этого времени разнолика, но была и сердцевина,
«парижская нота». Она брала свои истоки из Петербурга. Петербургская
школа - Анненский, Гумилев, Ахматова, Блок. Их темы: любовь, смерть,
одиночество. В 1936 году выйдет первая русская зарубежная антология
«Якорь»: «Подняли якорь надежды символ» (строка Е. Баратынского). И
как писал Г. Адамович в своем предисловии, «...антология направлена
скорее в будущее, чем в настоящее. Опыт у эмиграции такой редчайшей
внутренней ценности, какой едва ли скоро повторится».

Мосты были сожжены, Россия потеряна, Европа уже не приль-щала.
Был целый мир и нет его.

А еще раньше, в 1931 году, выйдет сборник Георгия Иванова «Розы»,
который сделает его первым поэтом эмиграции. Здесь «петербургская нота»
найдет свое классическое выражение.

И Лермонтов выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня...

(Исполняется романс «Выхожу один я на дорогу»)

Активная эмигрантская литература и поэзия была в Чехии - объ-
единение «Скит поэтов». Такие поэты, как Лебедев, Головина, Цветаева,
Ратгауз. «Скит поэтов» - это московская школа (Цветаева, Белый, Брюсов).

До Эйфелевой рукой подать!
Подавай и лезь.
Но каждый из нас - такое зрел, зрит, Говорю и
днесь,
Что скучным и некрасивым нам
Кажется ваш Париж. Россия! Моя
Россия, Зачем так ярко горюшь?
(Марина Цветаева)

В эмигрантской поэзии, как и во всякой подлинной, были такие духовные эстетические достижения, что трехмерный мир для них становится тесным. Они выходят в надмирность. Они-то и составили душу поэзии, когда жизнь и поэзия - одно.

Из невыносимого далека
Голос твой мне иногда звучит,
Озаряя душу, как сполохи,
В ледяной арктической ночи.
И на самом, самом дне печали
Еле вижу твоего лица.
Облик смутный, вечный, изначальный,
Что со мной пребудет до конца.
(Екатерина Бакунина)

В глубине, на самом дне сознанья, Как
на дне колодца - самом дне, Отблеск
нестерпимого сиянья Пролетает
иногда во мне.

(Георгий Иванов)

Тоскует сердце в запредельном храме По родным
просторам, на пути земном.
(Лидия Вольницева)

Утром в ослепительном сиянии. Ночью при
мерцающей луне, Дальний отблеск, смутное
сознание Вдруг становится доступно мне.
(Юрий Терапиано)

Другая тема - «Домой с небес». Домой с небес в Россию не вернуться. И эмигрантские поэты пишут о России так, как в России мало кто писал. Даже те, кто уехал из России детьми, не может выгеснить из сердца страну детства страной своей юности.

Жребий конца и начала,
Детские годы, года, Помню
Россию так мало, Помню
Россию всегда.
(Николай Гронский)

Полно и щедро твое наследство, Сладко
мне бремя его нести. Точно янтарь
полноценный, детство Тяжкою нитью
лежит в горсти.
(Галина Кузнецова)

И покой, и отрада, и грусть, и забота - Это
было в России, быть может в Раю.
(Илья Бриттон)

(Исполняется романс «Я ехала домой»)

На острове моих воспоминаний
Есть серый дом. В окне цветы герани...
Ведут три каменных ступени на крыльцо...
В тяжелой двери медное кольцо...
Над дверью барельеф: меч и головка лани,
А рядом шнур, ведущий к фонарю...
На острове моих воспоминаний
Я никогда ту дверь не отворю.
(Надежда Тэффи)

Лирика о России была намного эмоциональнее, чем любовная лирика.

Лес мой, родимый мой лес! В
горести сгорбила спину...
Видно, опутал нас бес И уволок
на чужбину. Грусть мою,
русскую грусть Выпущу
птичкой из рук я.
Допьяна нынче напьюсь Новой
печалью - разлукой.
(Марианна Колосова)

Снилось: у темного входа В бункер, в
людское жилье Жду, раздобыв у
кого-то пропуск в былое мое. А
коридор этот узкий, двери и двери
подряд. Только в конце там по-
русски, чудится мне, говорят. Там ли

кончается длинный путь,
предназначенный мне? Я
захлебнулась в жасминной
Хлынувшей в двери волне. Радостно
в ней утопая, Тихо касаюсь я дна.
Там, где горит золотая Лампа
родного окна.

(Татьяна Фесенко)

Ничего не было написано равного по той лирической признательности,
как стихам о России. Двойная ностальгия по покинутой Родине и по
Отчизне духовной.

За столько лет такого маянья По
городам чужой земли Есть отчего
прийти в отчаянье И мы в отчаянье
пришли. В отчаянье, в приют
последний, Как будто мы пришли
зимой С вечерни в церковки
соседней, По снегу русскому домой.

(Георгий Иванов)

Как хорошо, что в мире мы, как дома. Не
у себя, а у него в гостях. Что Жизнь
неуловима, невесома, Таинственна, как
музыка впотьмах.

(Николай Оцун)

(Исполняется романс «Горы, гори, моя звезда»)

Трагичен и мучителен след гражданской войны в эмигрантской поэзии:

Уходили мы из Крыма Среди дыма и
огня, Я с кормы все время мимо В
своего стрелял коня. А он плыл
изнемогая За высокою кормой. Все
не веря, все не зная, Что прощается
со мной. Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою. Конь все плыл,
теряя силы, Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода... Уходящий
берег Крыма Я запомнил навсегда.

(Николай Туроверов)

Романс «Замело тебя снегом Россия» на слова Филарета Чернова, чья поэзия так же, как Ксении Некрасовой и многих других, осталась непризнанной, не принятой на своей Родине. Стихи чудом попали в Париж и там возник романс. Сейчас он прозвучит.

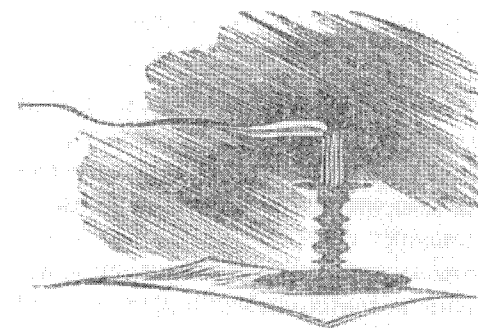
(Исполняется романс «Замело тебя снегом Россия»)

Где, когда в мире была такая поэзия, которая десятилетиями жила в условиях полной творческой изоляции, в абсолютно безразличной чужой среде, без внешних стимулов, без поддержки, оставаясь, несмотря ни на что, вдохновенной, плодотворной, свободной.

А теперь представим себе колонию единомышленников, заброшенных на чужую планету, без связи с Землей... А они пишут и пишут стихи. И только в мечтах надеются забросить в межзвездное пространство бутылку с запечатанными стихами.

Хождение по мукам, что видел во сне, С изгнанием,
любовью к тебе и грехами, Но я не забыл, что обещано
мне Воскреснуть, вернуться в Россию стихами.

(Георгий Иванов)

Композиция представлена на Бакунинских чтениях в Прямухине в мае 2006 года в исполнении И.А. Бабуровой и С.Г. Папазовой.

(Исполняется романс «Над розовым морем» на слова Г. Иванова)